

В.Е. Красовский

Вставные произведения

Вставные произведения (повести, новеллы, притчи, стихотворения) впервые появились в литературных произведениях античных писателей. В творчестве европейских писателей последующих эпох они использовались с самыми разными целями. Можно отметить две общих закономерности. Во-первых, включение новых художественных текстов в текст произведения всегда объяснялось в повествовании. Часть повествования становилась «обрамляющим рассказом» — текстом, окружавшим новое произведение, объяснявшим его появление и «выводившим» его из повествования. Иногда вставные новеллы или повести становились основой произведения (например, в «Декамероне» Боккаччо), а «обрамляющий рассказ» превращался в технический прием композиции. Появление нового произведения часто объяснялось указанием на источник — нового рассказчика или найденную рукопись. Во-вторых, вставные произведения были необходимы для того, чтобы, выйдя за рамки сюжета, углубить смысл произведения. Эти закономерности можно обнаружить и в использовании вставных произведений русскими писателями.

В третьей главе романа «Евгений Онегин» (строфа XXXIX) рассказ о Татьяне, спешащей на свидание с Онегиным, прерывается «Песней девушек». Это единственное в романе вставное произведение, «разрушающее» размеренный ритм чередования «онегинских» строк. Песня поется «по наказу». Это, как подчеркивает повествователь, «затягивает сельской остроты», «чтоб барской ягоды тайком уста лукавые не ели». Невольной слушательницей задорной «песенки заветной», поющей крепостными девушками, становится Татьяна. «С небреженьем внимая звонкий голос их», Татьяна прислушивается к себе, занята своими чувствами, ждет, «чтоб трепет сердца в ней затих, чтобы прошло ланит пыланье». «Песня девушек» — шутливая ремарка к психологическому портрету трепещущей Татьяны и к сцене объяснения героев, «подсмотренной» автором (последние строки песни:

Не ходи подслушивать
Песенки заветные.
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи).

В состав десятой главы первого тома «Мертвых душ» Гоголь включил «Повесть о капитане Копейкине». Размышления чиновников, собравшихся у полицеймейстера с целью выяснить, кто же такой Чичиков, были неожиданно прерваны возгласом почтмейстера: «Это, господа, судырь мой, не кто другой, как капитан Копейкин!» Внимание собравшихся сразу же переключается на выяснение вопроса, кто же такой капитан Копейкин (а следовательно, и Чичиков). Почтмейстер, заинтриговав слушателей, рассказывает «презанимательную для писателя в некотором роде целую поэму». В этом рассказе переданы все характерные особенности речи почтмейстера, однако текст «Повести о капитане Копейкине» содержит, по существу, только предысторию «благородного разбойника» и обрывается на самом интересном месте: рассказчик сообщает о том, что через два месяца после исчезновения капитана Копейкина «появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, не кто другой...» Тут выясняется ошибка почтмейстера: он, по мнению чиновников, «хватил уж слишком далеко», ведь Чичиков не похож на безрукого и безногого героя рассказанной им истории.

В романтическом рассказе Горького «Старуха Изергиль» легенды о Ларре и Данко в символической форме представляют два противоположных отношения к людям: эгоцентризм Ларры и героический индивидуализм Данко. Именно эти вставные произведения особенно важны для понимания смысла рассказа.